

УДК:1(091):316.3

*Н.Н. Равочкин***ДИСКУРС ПОЛИТИКО-ПРАВОВЫХ ИДЕЙ В СЕТЕВОМ ОБЩЕСТВЕ:
СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ (ЧАСТЬ 2)**

В статье продолжается определение новых сущностных черт реализуемого властями современных государств дискурса политико-правовых идей, которые приобретаются им в реалиях сетевого общества. Показано, что для обретения государствами эволюционного вектора и одновременно устойчивости социального развития властям необходимо воплощать политико-правовые идеи в зависимости от контекста. В качестве методологии исследования автор обращается к собственным синтетическим гносеометодологическим основаниям, делая основной упор на положения социального реализма Р. Коллинза и Н.С. Розова, а также тезисах акторно-сетевой теории. В настоящей части исследования проведен анализ ведущих трендов развития сетевого социума, в соответствии с чем показано обновленное проявление дискурса политико-правовых идей на микро- и макроуровнях. Подробно представлена зависимость изменения содержания дискурса идей от увеличения мобильности, потери идентичности, компьютеризации, социальной памяти и социальной среды, в которую включаются акторы. В заключение работы автор отмечает, что онтология дискурса политико-правовых идей в контексте сетевого общества является лишь одной из частных онтологий.

Ключевые слова: идея, политика, право, дискурс, современное общество, сетевое общество, техника, акторно-сетевая теория, социальный реализм, синтетическая методология.

DOI: 10.35634/2412-9550-2020-30-1-21-25

Введение. Во второй половине XX столетия произошло дополнение проблемного поля социальной философии. Произошло это главным образом, по причине невозможности игнорировать многовекторность динамики и новизны происходящих в обществе процессов, что актуализировало вопросы формирования постиндустриальных вариантов развития социума, одной из моделей которого стало «сетевое общество». Фактически перед властями заново встает вопрос о способах организации социального порядка, поскольку вместе с доминирующим контекстом технико-технологического развития формируются и новые вызовы международных отношений. В первой части данной работы¹ мы обратили внимание читателей на актуализацию «идейно ориентированных» исследований, связав их с такой причиной, как возникновение множества затруднений в части понимания аксиосферы нашего времени, которые, как известно, и составляют различные интеллектуальные конструкты.

В реалиях глобализации устойчивость социального развития в эволюционном направлении (особенно ее прочность и долговременность) вообще можно рассматривать как конкурентное преимущество любого государства. В соответствии с этим, чтобы заручиться поддержкой населения, власти должны апеллировать к адекватным формам социального устройства, изменяя комбинаторные конфигурации идей, которые бы сменили их устаревающие формы под собственные реалии, а не заниматься простым «обновлением» институционального порядка посредством механического переноса успешной реализации идей в практиках других стран. Таким образом, эффективные рецепты, касающиеся определения и нахождения странами (и развитыми, и теми, кто только стремится к развитию, своего места в формирующейся миросистеме), требуют множества рассуждений и умозаключений об истоках и перспективах проводимой ими политики и права. И вполне очевидно, что простых ответов и рецептов, которые бы однозначно решили данную проблему, попросту нет.

Цель исследования – обозначить новые сущностные черты дискурса политико-правовых идей в контексте сетевого общества.

Достижение поставленной цели во второй части настоящего исследования определяет решение задачи анализа проявлений дискурса в реалиях сетевой модели социума на микро- и макроуровнях.

¹ Для более подробной информации по данной теме см.: Равочкин Н.Н. Дискурс политико-правовых идей в сетевом обществе: социально-философский анализ (часть 1) // Вестн. Удм. Ун-та. Сер. Философия. Психология. Педагогика. 2019. Т. 29, вып. 4. С. 396-401, а также англоязычный доклад, представленный на международной конференции, частично освещающий основные положения данного исследования: Nikita Ravochkin Political Ideas Discourse In Network Society: Socio-Philosophical Analysis // The European Proceedings of Social & Behavioural Sciences EpSBS. 2019. No. 357. pp. 2657-2663 doi: <https://doi.org/10.15405/epsbs.2019.12.04.357> e-ISSN: 2357-1330

Обсуждение. Анализируя процесс развития социума через так называемую белловскую модель «трех революций» [3], Э. Тоффлер определяет трансформацию источников, способных существенно влиять на общественное развитие. Сначала вместо силы, которая была основанием богатства в доиндустриальную эпоху, приходят финансы (индустриальная модель социума), уступившие впоследствии свое место знаниям в рассматриваемой нами сетевой модели общества [10]. Соответственно, существенно изменяются и сам человек, и его бытие. Исследовав различные статистические и фактические данные, Тоффлер констатирует появление в современном социуме таких понятий, как, например, «модульная семья» и «модульный человек».

По большому счету, за последние 500 лет, то есть де факто со времен появления книжных изданий в их привычной для нас форме, объем печатной продукции возрос в несколько сотен раз. Однако это не только создает возможность получения знаний в центрах сосредоточения книг (библиотеки, выставки, магазины, различные тематические центры), но и приводит к объективной невозможности справиться с вызовами, которыми предстают нескончаемые потоки информации. И если в начале XX столетия коммуникация и транспортные возможности обусловили ускорение мобильности, то уже через половину века можно наблюдать возникновение «сверхмобильного человека», или так называемой «личности со съемными деталями». Это, своего рода, попытка дать ответ на актуальный вызов перенасыщения информацией. Футурошок представляет собой нескончаемый набор ситуаций, связанный с психофизическими перегрузками организма человека, постоянным истощением адаптивной системы и тех механизмов сознания и бессознательного, которые ответственны за принятие решений [11].

В это направление укладывается и позиция З. Баумана, который отмечает, что индивидуализация личности заключается в трансформациях идентичности (из «дано» в «найти») и последующем возложении ответственности за результативность этих процессов на конкретных индивидов [2]. Таким образом, в перманентно усложняющемся современном социуме «идентичность» обретает очертания «продукта потребления» как одной из неформ бытия. Отсюда вытекает и появление своеобразия посткультуры, маркерами которой становятся «сомнение» и «неуверенность», базирующиеся на оппозиции «наличие-отсутствие знаний». Прежде всего, необходимо сказать, что новый обретающийся статус, основанный на знаниях, способствует максимально полному «себя-раскрытию» индивида. По этому поводу согласимся с В.С. Ерохиным, считающим, что «сознание себя становится основанием формирования уникальной самостиности, свободной от всевозможных преград, характерных для доиндустриального и индустриального обществ. Процесс достижения самоидентичности в текущей современности становится, с одной стороны, гораздо более доступным, а с другой – более точно отвечающим самоощущению и самосознанию социального субъекта, личности» [5. С. 28].

Собственно такое проявление нового дискурсивного характера гораздо заметнее наблюдается в идеях, функционирующих в политико-правовом пространстве, чем в иных сферах жизнедеятельности индивидов. Так, с обретением качественно другой (назовем ее «непривычной») идентичности на микроуровне властных взаимодействий в сетевом обществе ожидается конфликт интересов, связанный, главным образом, с борьбой за оказание влияния на общественное сознание на том или ином его уровне. Всё это будет сопровождаться конфронтацией или сотрудничеством между акторами, поскольку регулярно происходящие стратификация и дифференциация людей определяют предложение им таких идей, аксиологические основания которых будут приемлемы для большинства из них. Кроме этого, мы отметим девальвацию субстанциализма и фундаментализма, свидетельством чего является утрата экзистенциальных интенций и, как следствие, не-способность личности к позитивным изменениям [12; 14]. Фиксируемые события и факты общественной жизни однозначно дают понять направленность ее трансформаций от некоторого единого целого к деструкции на многочисленные частные драмы, потому что самоидентичность возможна лишь при наличии у каждого человека возможностей для формирования границ своего жизненного пространства.

Вообще появившийся плюрализм смыслов, которые исследователи вкладывают в понятие «идентичность» ввиду ее динамичной изменчивости и концептуальных сдвигов в интеллектуальной мысли в современном обществе, задает панораму для исследований уже не столько единству, индивидуальности и целостности человека, сколько для социально-философских рефлексий уже на различных макроуровнях. Применительно к этой проблеме сделаем следующее замечание: любая идентичность в контексте сетевого общества будет находиться в состоянии перманентных трансформаций своей сущности со свойственными ей децентрацией и размытостью границ за счет не только влияния компьютерных технологий, но и по причинам изменений структур и связей внутри социальных (в том числе и виртуальных)

сетей [6; 7]. Тем самым наши размышления в очередной раз актуализируют проблему контекста (тождественно понятию «социосфера» у Н.С. Розова [9]), согласно которой сети выступают многочисленными средами, куда включаются акторы, а также полем, где происходят взаимодействия между ними.

Дополнительным аспектом рассматриваемой нами темы, касающейся особенностей дискурса функционирующих в сетевом обществе политико-правовых идей, создавая объективные затруднения на предмет возможностей отслеживания распространения информации и определения реакций на них, становится наполненность сообщений множественными провокациями [15]. На практическом уровне это детерминирует массовое не-понимание изначальных задумок акторов и, как следствие, приводит к возникновению проблем в коммуникации, суть которых свидетельствует о неспособности властных субъектов достигнуть желаемого прагматического результата.

Одновременно с этим здесь проступают четкие контуры макроуровня, определенные стратегиями достижения глобальных целей. В таких случаях, как правило, имеют место быть такие характерные черты, которые принимают соответствующее определенному уровню (регион, государство, государственные объединения, мировой социум) воплощение и проявление, как: манипуляция общественным сознанием, убеждение, информирование, замалчивание, иррациональные стратегии в совокупности с четко выстроенным планом угроз [8]. Вполне логично и объяснимо, что данная разновидность идейного дискурса осуществляется властными субъектами контекстуально, то есть в зависимости от ситуации, поставленных целей, имеющихся ресурсов и уже обозначенного нами уровня: от простого информирования до указаний и убеждений в «правильности» конкретного институционального (пе(ре))конструирования общества.

Рассуждая в духе воззрений видного представителя аналитической философской традиции – Л. Витгенштейна [4], автор считает, что постижение политико-правовых идей актуализирует включение сюда также изучение особенностей и самих мыслительных процессов. На наш взгляд, этот тезис способен искоренить любую кажущуюся случайность мнений о том, что властные практики могут быть сведены к деятельности, выражающейся в форме нерасчлененности «идея – дискурсивное воплощение» благодаря связи «процессы восприятия, воображения и мышления – языковые формы – практические (в нашем случае – властно ориентированные) действия». Применительно к этому стоит отметить бесчисленные факты радикальных трансформаций современных парадигм политико-правовой деятельности и социального управления, которые затрагивают, главным образом, «мировую периферию» ввиду открытости и ускорения самих процессов обмена потоками информации [16].

В соответствии с происходящими комплексными изменениями, которые прежде всего касаются ритма и содержания жизни, комфортной и привычной для большинства индивидов, трансформациям подвергается и социальная память как совокупность различных практик, «ориентированных на поддержание символических связей между современным состоянием общества и образами прошлого» [1. С. 131]. В самом общем понимании, социальная память – это совокупность вплетенных в исторические сюжеты идей, которые существовали, существуют и на их основе будут реализованы соответствующие интеллектуальные преобразования в различной по своей срочности перспективе. Говоря о социальной памяти в данной работе, мы подразумеваем всю интеллектуальную историю конкретного общества, по сути – то, что когда-то было наработано, создано и использовано множеством агентов. Будучи единством идей, социальная память сочетает в себе такие характеристики, как полилогичность, медиальность, процессуальность, контекстуальность. Однако подобный подход к раскрытию ее содержания и сущности обезличивает бытие каждого конкретного актора, а также коммуникации между ними.

Итак, в мире повсеместно происходит обновление форм организации социального устройства, в первую очередь, посредством мобилизации проводимым курсом политики и принятия/отмены актуальных норм права. Тем не менее, выход в глобальную сеть Интернет в связи с его публичностью и множественными возможностями самовыражения и расширяет, и сужает границы персональной свободы, что не позволяет сформировать адекватный уровень ответственности за содержание контента. В результате «открытое пространство социальных сетей для заинтересованных участников политики позволяет без особого труда выявить потенциальных сторонников, а также оценить степень недовольных тем или иным событием политической жизни. Применяя различные манипулятивные технологии, например, индоктринацию, заинтересованное лицо в социальных сетях (большое количество участников, оперативность, неограниченный доступ и быстрота распространения информации) получает превосходную возможность использовать данный канал коммуникации для процесса политической мобилизации, ориентированной в основном на молодежь» [13. С. 101]. Здесь действует единство информативной составляющей, осуществляемой властными субъектами коммуникации и эмоцио-

нального компонента, реализованного в форме доверия и оценивания новостей. Именно здесь скрывается актуальность и востребованность информации в сетевом сообществе, что позволяет реализовать ряд функций, связанных с интеграцией акторов (сторонников и несогласных), которые, казалось бы, являются приверженцами различных аксиологических идейных оснований.

Заключение. Обобщая проведенный анализ проблемы, первый акцент сделаем на том, что обращение внимания на проблематику социальной памяти позволяет обнаружить горизонты будущих радикальных трансформаций осуществления и функционирования дискурса политико-правовых идей, реализуемого властями. Обозначенный горизонт формируется через процессы проводимой политики в реалиях актуального для конкретного государства законодательства. Последнее, как мы уже не раз отмечали, трансформировалось – и сами правовые практики осуществляются не столько через принуждения извне, как это делалось в предшествующие до XX столетия временные периоды, но через сети как новый способ организации социума, что в корне изменяет саму сущность социального управления. Говоря тезисно, в сетевом обществе контроль остается за теми, кто контролирует информационное поле. Рискнем предположить, что именно социальная среда выступает, и еще долгое время будет являться ведущим фактором, детерминирующим создание, использование и воспроизводство контента сетевого пространства, который сам в последующем оказывает существенное воздействие на общество. Немаловажным сегодня считается тот факт, что чем больше институты власти используют возможности Интернета применительно к актуальному контексту, тем более успешными они являются. Видимо, причина – в возможности этих институтов контролировать реализуемый дискурс существующих в социальной памяти политико-правовых идей, а также в способности формировать принципиально новые интеллектуальные конструкты, обладающие полезностью и эффективностью при создании определенного интеллектуального настроения различных групп населения.

Дискурс политико-правовых идей в сетевом социуме существенно видоизменяется не только за счет трансформационных процессов, касающихся сущности этой группы институтов, но и по причине изменения взаимодействий между этими установлениями. Существующие взаимосвязи между современными политико-правовыми институтами частично переносятся в область медиадискурса. Можно сказать, что теперь под влиянием новых медиа политико-правовые идеи дополняются постоянным имиджевым компонентом. Зачастую имидж способствует идейным модификациям, отражающим институциональные взаимодействия, тем самым, перераспределяя полномочия во властной структуре в реалиях сетевой модели социума. Помимо сохранения в себе классических черт, дискурсу политико-правовых идей в контексте сетевого общества часто свойственна «событийная окрашенность», при которой яркие события оказываются способными осуществлять трансформации целых систем институтов и норм, а также мифов, ценностей, правил социального взаимодействия и отношений, имеющих отношение к власти, и целых научных концепций – и это даже не говоря об обыденных представлениях о политике и праве в конкретном социуме.

Что касается политико-правовых практик в сетевом обществе, то они всё отчетливее проявляются как смыслообразующие и смысловоспроизводящие характеристики деятельности, направленной на формирование, поддержание и изменение отношений доминирования и подчинения. Даже реализация хотя бы дескриптивных функций дискурсом политико-правовых идей в реалиях сетевой модели социума предполагает качественно новую легитимацию властных отношений, а сама предметная сфера характеризуется неопределенностью и эфемерностью, причем не только самих акторов, но и границ их участия и возможного влияния. Как никогда ярче, теперь видно, что любые политико-правовые инициативы, прежде чем они достигают своего воплощения на практике, начинаются с отмеченной схемы, указывающей на детерминированные социосферой психические процессы (восприятие, воображение и мышление) и идеи, обретающие собственно языковые формы. Однако главное замечание в заключение настоящей статьи состоит в том, что онтология дискурса политико-правовых идей предстает лишь одной из частных онтологий, а ее основу фундируют властные отношения, которые складываются внутри самого дискурса.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аникин Д.А. Сетевые основания социальной памяти // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2017. Т. 17, № 2. С. 129-134.
2. Бауман З. Текущая современность. СПб.: Питер, 2008. 240 с.
3. Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования. М.: Academia, 2004. 788 с.

4. Витгенштейн Л. Философские работы. Часть 1. М.: Гнозис, 1994. 612 с.
5. Ерохин В.С. Проблема личностной идентификации: релятивизм // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2018. Т. 18, № 1. С. 27-31.
6. Коллинз Р. Социология философий: глобальная теория интеллектуального изменения. Новосибирск: Сибирский хронограф, 2002. 1280 с.
7. Равочкин Н.Н. Интеллектуальная жизнь: формирование и динамика идей // Экономические и социально-гуманитарные исследования. 2018. № 3 (19). С. 103-110.
8. Равочкин Н.Н. Политический дискурс: связи между языком и политикой // Научный журнал Дискурс. 2018. № 1 (15). С. 192-201.
9. Розов Н.С. Идеи и интеллектуалы в потоке истории: макросоциология философии, науки и образования. Новосибирск: Манускрипт, 2016. 344 с.
10. Тоффлер Э. Метаморфозы власти. М.: ООО «Издательство АСТ», 2004. 669 с.
11. Тоффлер Э. Футурошок. СПб.: Лань, 1997. 464 с.
12. Шевченко А.А. Дискурс идентичности: варианты и трансформации // Вестн. Новосибирского государственного университета. Сер.: Философия. 2006. Т. 4, № 2. С. 28-32.
13. Шерстобитов А.С. «Сетевая публичность» как новый фактор политической мобилизации в современной России: попытка сетевого анализа // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 6. Философия. Культурология. Политология. Право. Международные отношения. 2013. № 3. С. 99-105.
14. Шкарин Д.Л., Шелестюк Е.В. Диссоциативное расстройство идентичности в контексте социальной философии // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2017. Т. 6, № 2А. С. 57-67.
15. Díaz J.A.R. Networks and the future: A new methodological approach to envision and create the network society of tomorrow // Futures. 2009. № 41. pp. 490-501. <https://doi.org/10.1016/j.futures.2009.01.004>
16. Wallerstein I. World-Systems Analysis. An Introduction. Duke University Press, 2004. 128 p.

Поступила в редакцию 30.01.2020

Равочкин Никита Николаевич, кандидат философских наук,
доцент кафедры гуманитарно-правовых дисциплин
ФГБОУ ВО «Кузбасская государственная сельскохозяйственная академия»
650056, Россия, г. Кемерово, ул. Марковцева, 5
E-mail: nickravochkin@mail.ru

N.N. Ravochkin

**POLITICAL AND LEGAL IDEAS DISCOURSE IN A NETWORK SOCIETY:
SOCIAL-PHILOSOPHICAL ANALYSIS (PART 2)**

DOI: 10.35634/2412-9550-2020-30-1-21-25

The article continues to define new essential features of the discourse of political and legal ideas realized by the authorities of modern states, which they acquire in the realities of a network society. It is shown that for the states to acquire an evolutionary vector and at the same time sustainability of social development, the authorities need to implement political and legal ideas depending on the context. As a research methodology, the author turns to his own synthetic epistemological methodological foundations, focusing on the provisions of social realism by R. Collins and N.S. Rozov, as well as theses of actor-network theory. In this part of the study, the author analyzes the leading trends in the development of network society, in accordance with which an updated manifestation of the discourse of political and legal ideas at the micro and macro levels is shown. The dependence of changes in the content of the discourse of ideas on increasing mobility, loss of identity, computerization, social memory and the social environment in which actors are presented is discussed in detail. In conclusion, the author notes that the ontology of the discourse of political and legal ideas in the context of a network society is only one of the private ontologies.

Keywords: idea, politics, law, discourse, modern society, network society, technology, actor-network theory, social realism, synthetic methodology.

Received 30.01.2020

Ravochkin N.N., Candidate of Philosophy, Associate Professor at Department
of Humanities and Legal Disciplines
Kuzbass State Agricultural Academy
Markovtseva st., 5, Kemerovo, Russia, 650056
E-mail: nickravochkin@mail.ru